Майя Крылова

Юбилей танцовщика

Независимая газета. – 1999. – 27 мая. – с. 3

ВИКИНГ С ОСТРОВА САХАЛИН

Исполнилось 50 лет со дня рождения Александра Годунова

ОН УМЕР четыре года назад, 17 мая 1995 года. Вскоре после своего возвращения в Америку из родной Риги, где жили его родственники – мать, брат, племянники. Навестив их, сорвался в очередной запой. Алкоголизм был его давней проблемой, а тут, видимо, сказались сильные впечатления от встречи с близкими, которых он не видел много лет. Труп Годунова обнаружила в его калифорнийской квартире медсестра, делавшая артисту какие-то процедуры. После этого поползли слухи. Масс-медиа всего мира изощрялись в догадках: СПИД? Самоубийство? Секретарь Годунова заявила, что подобные разговоры совершенно беспочвенны: «Он умер от пьянства». В прессе промелькнули сообщения, будто после смерти танцовщика таинственно исчез его личный архив...

Семья Александра Годунова не имела отношения к искусству, отец-офицер служил одно время на Сахалине, где 28 ноября 1949 года и родился будущий танцовщик – «звезда» мирового балета. Потом был развод родителей и переезд матери с двумя детьми в Ригу. В детстве Александр Годунов хотел стать летчиком или инженером. В Рижское хореографическое училище он поступил через год после Михаила Барышникова. Они вместе выступали в школьных концертах и учились у одного и того же педагога.

После окончания школы Годунов три года работал в ансамбле «Молодой балет», возглавлявшемся тогда Игорем Моисеевым. По всему было ясно, что долго он там не засидится – с такими данными. Одна внешность многого стоила: Годунова постоянно сравнивали с викингом. Рост, сила, белокурая длинная грива, голубые глаза и чеканно-тяжелые черты лица – соответствующие. А профессиональные возможности и подавно впечатляли. За это и была получена в 1973 году золотая медаль Московского конкурса артистов балета, парижская премия имени Нижинского, а критики осыпали комплиментами.

Через три года после окончания школы его пригласили в Большой театр. Вроде бы Наталья Бессмертнова приметила способного танцовщика и указала на него Юрию Григоровичу, который захотел иметь у себя в театре такого артиста. В ГАБТе Годунов получил много ролей – в «Лебедином озере», «Жизели», «Дон Кихоте», «Шопениане», нескольких современных балетах тогдашнего репертуара, не могли без него обойтись и «Спартак» с «Иваном Грозным», особенно первый балет, где стать Годунова словно специально была создана для роли вождя восстания. С классикой же у Годунова сложились специфические отношения. Его постоянно хвалили, отмечая технику, мощь и особую сценическую манеру.

С другой стороны, многие не знали, как им к этой манере относиться, обвиняя танцовщика в эмоциональной нейтральности и даже безразличии. На сцене Годунов был сдержан, его герои не «хлопотали физиономией», обозначая страсти, не размахивали руками в приступе чувствительности и вообще мало проявляли свое внешнее отношение к событиям. Прежние критерии так называемого «актерского мастерства» на балетной сцене этим героям решительно не подходили. Годунов был мастером внутреннего монолога, который умудрялся «произносить» даже в самых незамысловатых балетах, потому что «произносил» монолог танцем, а не накладывал на танец нечто внешнее. Так рождалась его личная театральная, творческая интрига. Хотелось понять, что происходит за фасадом этой почти отгороженности от всех и вся.

Александр Годунов. Фото Марианны Волковой

При этом Годунов вовсе не был нейтральным на сцене, он танцевал броско, но эту броскость трудно квалифицировать в привычных категориях. При всей его сценической одержимости он постоянно всматривался в себя, будь то Зигфрид, раздваивающийся между двумя разноцветными Лебедями, Альберт, погрязавший в любовной интрижке, а затем – в раскаянии, или даже разбитной Базиль (в этой испанской роли артист напоминал залетного северянина, по случаю оказавшегося в Барселоне). Это самопогружение переводило суть балета в совершенно иные, даже не предусмотренные создателями сферы (иногда казалось, что трактовка Годунова – это апофеоз чистой идеи: все внешнее – лишь яркая видимость того, что происходит в его воображении) и было самым захватывающим на его спектаклях.

Возможно, отстранение на сцене было у Годунова следствием отстранения в жизни. Его педагог в театре, Алексей Ермолаев, тонко чувствовавший натуру Годунова, подарил ему свое фото с надписью «Самому болезненному моему ученику». Ермолаев имел в виду, разумеется, не хвори, а сложное устройство души, не умеющей зарастать защитной коркой и потому полюбившей прятаться.

Годунов много работал с Майей Плисецкой. Она любила танцевать с этим партнером, так выгодно оттенявшим ее. Совместная игра на эстетической разности породила их «Кармен» (Годунов – Хозе) и «Анну Каренину» (Годунов – Вронский), которые вызвали гнев пуристов своим неприкрытым эротизмом. С той же Плисецкой Годунов станцевал «Гибель розы» Ролана Пти – концертный номер по стихотворению Уильяма Блейка, подаренный балерине этим французским хореографом (из мемуаров Плисецкой: «Юноша, смертно влюбленный в розу, иссушает ее своей страстью»). Плисецкая позже написала о Годунове хвалебные слова как о танцовщике с «неповторимым пируэтом» и о человеке: *«...был верный, порядочный, совершенно беззащитный, вопреки своей мужественной внешности»*, но по своей обычной искренней честности добавила: *«Он лучше танцевал, чем держал партнершу»*.

Последней советской – и замечательно сделанной – ролью Годунова стал Тибальд в постановке Юрия Григоровича «Ромео и Джульетта» (1979). Во время американских гастролей ГАБТа в том же году оба исполнителя этой партии – Александр Годунов и Леонид Козлов – не вернулись обратно. Тогда же родились анекдоты: «Что есть в Большом театре? – Балет, опера и опергруппа...»; «Театр уезжает Большим, а возвращается малым».

Годунов давно хотел остаться на Западе – ему надоело зависеть от блюстителей советской идеологии и оставаться в Москве, когда другие ездили на заграничные гастроли. (Эта американская поездка стала исключением из правила.) Как у нас водится, правая рука властей не знала, что делает левая, – его одновременно не пускали на гастроли и готовили присвоение народного артиста. Годунов не переносил унизительных ситуаций – и давал это понять. Ответно ему не прощали длинный язык и независимую манеру думать и держаться. Особенно раздражали его экстравагантные костюмы (вплоть до розовых брюк) и длинные волосы, которые он наотрез отказывался подстричь, для убедительности (по воспоминаниям Сергея Довлатова) ссылаясь на классиков марксизма-ленинизма – Чернышевского, Маркса и Энгельса. В свое время Годунова упросила повременить с побегом та же Плисецкая, которой он поведал о своем желании: погоди, Саша, если сейчас уедешь, не видать премьеры фильма-балета «Анна Каренина», запретят из-за такого Вронского. И рыцарственный Годунов отложил намерение. До 1979 года.

Побег Годунова в Америке до сих пор остается одной из главных сенсаций мировой журналистики времен холодной войны. И советские газеты этой теме отдали немало полос, где со своей колокольни освещали драму. Он хотел бежать с женой, солисткой ГАБТа Людмилой Власовой (красавица, старше Годунова на семь лет, танцовщица не на главные роли). В свое время он в нее пламенно влюбился с первого взгляда, отбил у мужа... Но что-то разладилось, и Годунов скрылся один, не предупредив Власову в последний момент. Тут же подсуетились «компетентные товарищи», которых тогда в каждой поездке было предостаточно. До сих пор до конца неясно, что же именно произошло тогда между мужем и женой и почему Власова не захотела соединиться с мужем, даже когда американцами ради этого на трое суток – беспрецедентный случай! – был задержан рейс самолета в Москву, на борту которого она должна была вернуться домой.

Ситуацию, каких не увидишь и в крутом кино, подробно описал Иосиф Бродский в беседах с Соломоном Волковым. Бродский по просьбе друзей принял активное участие в этой истории – дал ключи от загородного дома приятеля, чтобы там укрыть беглого танцовщика в первые дни, переводил с русского при официальном оформлении иммигрантских бумаг Годунова в госдепе США...

После ухода Годунова из гостиницы танцовщик много раз пытался связаться с женой – звонил (не дозвонился), а потом ее упрятали в консульстве СССР. К делу подключились американские службы, и удалось назначить встречу мужа и жены. Американцы прежде всего хотели понять: добровольно ли Власова отказывается присоединяться к мужу, повторяя «я хочу к маме», или боится последствий для родственников в России? Когда два человека из госдепартамента прибыли в консульство за Власовой, то узнали: ее увезли в аэропорт и посадили в самолет на Москву. Тут же был задержан рейс, а с балериной начались трехдневные переговоры, причем сам Годунов в них личного участия не принимал. Его интересы представлял адвокат. Делом занимались на самом высоком уровне, вплоть до президента Картера и генсека Брежнева. Репортеры со всего мира вели прямой репортаж с места события в аэропорту Нью-Йорка. По словам Бродского, подвел участник переговоров, американский представитель в ООН – не передал Власовой записку от мужа, в которой тот умолял жену присоединиться к нему. Судя по всему, американцы, уповающие тогда на успех переговоров с СССР по разрядке, не хотели слишком сильно раздражать советскую сторону... В результате Власова улетела, брак, длившийся 7 лет, распался, заочно был оформлен развод, но еще долго продолжались телефонные звонки из Америки в Москву. Годунов мечтал, что они еще встретятся. Не встретились никогда. Может быть, потому, что «Годунов был в первую очередь артист, а уж потом – муж» (Бродский).

Когда Годунов начал карьеру в Америке, его давний приятель и коллега Михаил Барышников уже был на вершине славы и возглавил

(Окончание на стр. 10)